

Суждения о возможном и о вероятном в различных культурах

Валерий З. Демьянков

Институт языкознания РАН, Москва, Россия,

vdemiank@mail.ru

Аннотация. Способы представления мнений зависят от ментальных культур, которые включают в себя, например, стили формирования суждений о возможности и вероятности событий и состояний дел. Исследование большого многоязычного корпуса текстов на нескольких западноевропейских языках и на русском показывает, что утверждения о возможности встречаются более чем в два раза чаще, чем утверждения о вероятности. Термин *возможность* на латыни и в современных языках обозначает физикалистское отношение к положению вещей. Этот термин был введен гораздо позже, чем термин *вероятность*, первоначально связанный с человеческими аспектами оценки. Сам термин *probabilis* в латыни был родственным слову *probare*, означавшему «одобрение» и/или «контроль» над событиями. Кроме того, в современных романских языках суждения, передающие сомнения и надежды, то есть дистанцирование говорящего от чужих и заведомо неверных мнений, обычно содержат глаголы в особом, «субъюнктивном», наклонении. Создание альтернативных «возможных миров» как фигура речи о гипотезах возникла и широко использовалась в работах Лейбница на французском языке, который использовал эту фигуру в соответствии с французской, а не родной для него немецкой грамматикой.

К средствам дистанцированной, «остраненной», подачи мнения относятся выражения типа *возможно, вероятно, вряд ли*, регулирующие пропозициональную («фактическую») и эмоциональную («пропозиционально-установочную») ратифицируемость высказывания и толерантность восприятия. Убеждение, подаваемое с помощью этих средств, позволяет преодолеть порог несовместимости с «резидентными» мнениями адресата.

Делаются предварительные выводы о культурной обусловленности подобных явлений.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, ментальная культура, возможность vs. вероятность, субъюнктив в романских языках

Для цитирования: Демьянков В.З. Суждения о возможном и о вероятном в различных культурах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 312–322. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-312-322

Possibility and probability judgments in different cultures

Valery Z. Demyankov

*Russian Academy of Sciences Institute of Linguistics,
Moscow, Russia, vdemiank@mail.ru*

Abstract. Ways of presenting opinions depend on mental cultures which include i.a. styles of forming judgments on possibility and on probability of events and of states of affairs. Research on a large multilingual corpus of texts in several West-European languages and in Russian shows that the possibility statements are used more than twice as often as the probability statements. The term ‘possibility’ in Latin and in modern languages denotes a physicalist attitude towards states of affairs. This term was coined much later than the term ‘probability’, originally connected to the human aspects of evaluation. The term ‘probabilis’ itself in Latin was a cognate of ‘probare’, which meant ‘approving’ and/or ‘controlling’ events. Additionally, in modern Romance languages, judgments of doubt and hope, i. e. sentences conveying speaker’s distancing from alien and non-actual opinions, usually contain verbs in a special ‘conjunctive mood’. Creating alternative ‘possible worlds’ as a figure of speech for ‘conjecture’ originated and was extensively used in writings by Leibniz in French, who used this figure in accordance with French grammar. The same ideas formulated in Russian or in German lack the ‘subjunctive’ mood, whereas it is obligatory in French.

Keywords: cognitive linguistics, mental culture, possibility vs. probability, Romance subjunctive mood

For citation: Demyankov, V.Z. (2022), “Possibility and probability judgments in different cultures”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, part 3, pp. 312–322, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-312-322

1. Материальная и ментальная культура

Понятие культуры сродни понятию стиля в филологии: обладая выбором при решении задачи (скажем, выбором речевого акта или его осуществления), придерживаются определенных излюбленных приемов или жанроопределяющих «стилей», в большей или меньшей степени присущих данному субъекту. Выбор самого стиля при этом несет дополнительную смысловую нагрузку, сказываясь на интерпретации коммуникативных действий. Справедливо это по

отношению к материальной культуре: в одних обществах устрицы едят чаще всего сырыми, в других – жареными, а когда официант хочет помочь вам в выборе, он тонко намекнет: «Сырые, к сожалению кончились. Можем предложить жареные». Это предупреждение гораздо мягче, чем знаменитое шекспировское категорическое: «Не пей вина, Гертруда» (король знает, что вино отравлено). Но знающий поймет этот тонкий доброжелательный намек: известно, что устрицы не первой свежести выдают себя запахом, который можно замаскировать поджариванием. Так что, мол, решайте, какой «стиль» выбрать: с душком и не совсем свежее блюдо – или пусть и не свежее, но без запаха. А может, лучше все-таки какую-нибудь стилистически незатейливую и трогательную лягушечку?

Оценка и констатация «вещной» стилистики как реализация (принципиального или случайного) выбора опирается на наивно-статистическую оценку: то, что бывает реже, имеет больше шансов вызвать удивление, восхищение и испуг. Подобно Санта-Клаусу (Деду Морозу) на пляже в разгар лета. Да и то, в зависимости от того, кто оценивает эту самую креативность: бывалая Снегурочка, ветеран новогодних утренников для детей, и не такое повидала на своем веку, «избитой» креативностью ее не удивить.

Аналогичное и в нематериальной культуре. Скажем, поблагодарить можно деликатно, поджав губы, или совсем «по-простому»: все зависит от этических и эстетических предпочтений родной культуры. На вопрос «Ты устрицы любишь?» естественнее всего, «без дураков», ожидать прямого ответа: «Да!» или «Нет». Непрямой ответ типа: «Моя бабушка их подавала к борщу» бдительного интерпретатора наводит на мысль, что все-таки не любишь или – еще вероятнее – никогда и не пробовал. Выбрав же необычное, а потому и креативненькое «Возможно» или даже «Вероятно», надевают маску ботаника-отличника, который лучше умрет за Истину и промолчит, чем соврет.

Искушенные в бытовой дипломатии, мы привыкли к тому, что мнение обычно подают с гарниром искренних или напускных, вынужденных или осторожничающих мнений. Однако даже роскошные от природы волосы много выигрывают от искусной укладки в дорогом салоне красоты и вызывают прилив трогательного самоуважения у их владелицы, а техническая стилистика наиправдивейшей сервировки фактов варьируется в зависимости от стандартов культур. Недаром «простое, как правда» сообщение адресату своего отрицательного мнения называют у нас «бескультурием», то есть выходом за рамки стандартов ментальной культуры. Когда «отвязанный» аутист говорит, что ненавидит вашу собачку, он демонстрирует не только бескорыстное правдолюбие (основу бы-

тового хамства), но и результаты *родовой* травмы, произошедшей при усвоении первой в своей жизни, *родной* культуры поведения, не затронутой корректировочным курсом в исправительном заведении типа «семья», «детский сад» или «школа». Когда начальнику ЖЭКа, сообщаящему, что он едет в мэрию, электрик и сантехник хором рекомендуют: «Дуйте!», нарушение культурных норм является результатом столкновения с нормами чужой культуры, несовпадения репертуаров вербальных средств, даже этических норм двух культур, внутреннего противоречия норм внутри одной и той же культуры и т. п. И дело здесь не просто в неадекватном употреблении речевых средств.

Пример антихамства, неискренного деликатничания, дает нам знаменитое:

Вы любите ли сыр? – спросили раз ханжу.

Люблю, – он отвечал, – я вкус в нем нахожу (*Козьма Прутков*. Эпиграмма № 1. 1854).

Реплика «Возможно» в таких ситуациях стилистически парадоксальна: как любой уход от прямого ответа, она смягчает («эвфемизирует») горькое признание в нелюбви, легко вычисляемое даже не очень опытным интерпретатором.

Итак, целесообразность выбора средств подачи искреннего и/или справедливого мнения оценивается в рамках ментально-культурных, а не просто речевых норм, изо всех сил им соответствуя или отчаянно их нарушая.

2. Речь о возможном и о вероятном в русской и европейских культурах

Можно выделить много различных технических средств «уклончивой» речи, из которых наиболее характерны для русского и для западноевропейских языков следующие три:

2.1. Модальные глаголы класса «мочь»: в английском *can*, *may* (оба на русский переводятся как «мочь», но употребляются, как известно, в разных контекстах), *be able to*; немецкие *können*, *dürfen*, *mögen* (все три соответствуют русскому «мочь», но в разных контекстах) и т. д. Это «дежурные» средства выражения «чутьочку неродного» мнения.

2.2. Субъюнктив после предиката опасения, боязни и т. п. Это техническое средство представлено больше в романских языках, начиная с латыни. Например, во французском:

Une femme ne peut jamais s'empêcher de craindre que cette plaisanterie ne *devienne* un jour très sérieuse...

Женщина никогда не может не бояться (букв. «не может никогда помешать себе бояться»), что эта ерунда когда-нибудь *станет* очень серьезной (*Balzac H. de. Physiologie du mariage*, 1828).

Глагол *devenir* «становиться» употреблен в форме субъюнктива *devienne* со значением «стал(а) бы», а не индикатива *devient*, так что по-русски ближе к оригиналу было бы буквально: «что эта ерунда стала бы серьезной». Но по-русски так не говорят и смело употребляют индикатив, которым подавляют обязательные для франкофона сомнения.

По-русски сослагательное наклонение в таких случаях выглядит («выглядело бы», выражаясь «на цыпочках», осторожно, в субъюнктиве) по меньшей мере, непривычно и является уделом деликатничающего переводчика, стремящегося подчеркнуть тонкость оригинала, которой приходится жертвовать в переводе. А в немецком неиндикативное сослагательное наклонение (Konjunktiv) в таких контекстах допустимо, но употребляется как средство пересказа чужого мнения или даже своего прежнего, но более неактуального мнения, ставшего чужим:

...auch sie hatte gefürchtet, daß der Schuß der eines Selbstmörders gewesen *sei*

...она тоже боялась, что этот выстрел *якобы был* из рук самоубийцы (*Auerbach B. Das Landhaus am Rhein: Band 3*, 1869).

Глагол *sein* «быть» употреблен в форме сослагательного наклонения *sei*, а не изъявительного *ist* «есть, является», поскольку автор предложения не разделяет опасений героини: по-русски в таких случаях мы привыкли употреблять *якобы*. Но прося в Берлине нарезать 100 граммов ливерной колбасы, в русском переводе вы скорее всего обойдетесь без этого *якобы*, а попросту скажете, от первого лица: *Ich hätte gerne*, буквально «я имел бы охотно» (а не «я якобы хотел»), приглашая мясника погостить в вашем мире предстоящего удовольствия от пока еще недорогого деликатеса.

Интересно, что великий немецкий философ и математик Г.В. Лейбниц, когда писал по-французски, безукоризненно-сопереживающе, по системе К.С. Станиславского, адаптировался к французской ментальной культуре и сомневался по правилам французской грамматики, см. [Демьянков 2021]. Например:

...les âmes ne quittent jamais tout leur corps et ne passent point d'un corps dans un autre corps qui leur **soit** entièrement nouveau.

...души никогда не покидают все свое тело и не переходят из одного тела в другое, совершенно новое (букв. которое *являлось бы* совершенно новым) для них (*Leibniz G.W. Principes de la nature et de la grâce fondés en raison, 1714*).

Иногда он же следовал сразу двум ментальным культурам, немецкой и французской, при употреблении сослагательного наклонения по-французски при передаче чужой речи, напр.:

Et Spinoza veut à peu près (comme un ancien péripatéticien nommé Straton) que tout *soit* venu de la première cause ou de la nature primitive, par une nécessité aveugle et toute géométrique, sans que ce premier principe des choses *soit* capable de choix, de bonté et d'entendement.

И Спиноза в некоторой степени хочет (подобно древнему перипатетику по имени Стратон) сказать, что все якобы произошло (*soit venu* «было бы произошло» – субъюнктив от *быть*. – В. Д.) от первопричины или от первобытной природы, по слепой и неотвратимой (букв. геометрической) необходимости, без того, чтобы этот первый принцип вещей был (*soit* – «был бы» субъюнктив от *быть*. – В. Д.) способен на выбор, доброту и понимание (*Leibnitz G.W. Essai de théodicée, 1710*).

Суждения в реалисе, потенциалисе, ирреалисе и т. п. опираются на шкалу предпочтений, когда объявляют вотум доверия или недоверия, любви или ненависти к актуальному миру. Так же как и выбор модальности возможности, вероятности и необходимости, производимый на границе между материальным и ментальным.

2.3. Прилагательные и наречия классов «возможное» и «вероятное». Немецкое *möglich* «возможный, вероятный» соотносят с английским и французским *possible*, а *wahrscheinlich* «вероятный, правдоподобный» – с английскими *probable* и *likely* и с французскими *probable* и *vraisemblable*.

Разграничение возможного и вероятного было уже в предке современных романских языков, в латыни. Прилагательное *possibilis* буквально означает «могущий мочь»: *poss-* как в *possum* «могу» плюс суффикс *-ibilis*, прямой прародитель современного французского и английского *-ible*, придающий производным прилагательным значение «способный». А *probabilis* является производным от *prob-* плюс тот же суффикс, но с иной огласовкой, *-ābilis*. Основа *prob-* в глаголе *probo* (*āvī, ātum, āre*) имела множество значений, важнейшие из которых: 1) испытывать, пробовать, проверять; 2) одобрять,

удовлетворяться, благоприятно отзываться, хвалить; 3) признавать, принимать; 4) рекомендовать; 5) ясно представлять, с очевидностью показывать, доказывать. Как показывают типовые словоупотребления, быть *probabilis* – значит, получить «человеческую» рекомендацию, ср. у М.Т. Цицерона (106 г. до н. э. – 46 г. до н. э.):

...*probabilis* orator, iam vero etiam probatus, ex hac inopi ad ornandum, sed ad inveniendum expedita Hermagorae disciplina .

...оратор, *достойный похвалы*, успевший даже завоевать признание, хотя и был слабеньким в искусстве украшать свои речи, но мастерству изобретения речей (*inventio* как раздел риторики. – В.Д.) он научился у Герматора (*Cicero M.T. Brutus*).

Сегодня такого оратора назвали бы *креативным*.

От такой оценки всего лишь шаг до квалификации «достоверное объяснение», как знак качества, получаемый из рук профессионала в качестве гарантии правдивости, напр.:

Illa vero cur eveniant, quis probabiliter dixerit?

Но почему происходит [это] – кто *достаточно достоверно* сказал бы? (*Cicero M.T. De Divinatione*, 44 г. до н. э.).

Probabiliter «в высшей степени вероятный» (ср. английское *highly likely*) как форма сравнительной степени от *probabilis* указывает на степень совершенства «выше средней».

Некоторое приближение к значению «правдоподобный, похожий на привычное» имеем в другом раннем употреблении этой же лексемы:

Multo est *probabilius*: “non est autem divinatio; non sunt ergo di”.

Гораздо больше *походит на правду* [такое суждение]: “если уж нет предсказания, значит, нет и богов” (*Cicero M.T. De Divinatione*).

Сема «одобрение» сохранилась и значительно позже, в трудах Фомы Аквинского (1225–1274), напр.:

Praeterea, sicut se habet vis affectiva ad *probabile* et *reprobabile*, ita se habet vis cognitiva ad *probabile* et *improbabile*.

Кроме того, как в аффективной сфере [«силе» в оригинале] бывает *одобряемое и осуждаемое*, так и в сфере познания есть *вероятное и невероятное* (*Aquinas S.Th. Quaestiones disputatae de veritate*, 1256–1259).

Ср. дожившее до наших дней юридическое понятие *vis probandi*, «доказательная сила», то есть сила, которую следует применять в процессе одобрения и/или отвергания доводов.

При этом, как показывают данные большого корпуса латинских текстов [Демьянков 2020], *possibilis* «возможный» начал активно употребляться позже, чем *probabilis* «вероятный». Осознание надчеловеческой, физикалистской стороны истины пришло позже установления чисто «человеческих», субъективных параметров «правды», производных от человеческих установок. То есть первоначально человек большей частью верил своим непосредственным показаниям, одобренным другими людьми. Но со временем эпитет *possibilis* стал употребляться все чаще и чаще. А *probabilis* «вероятный» связывается с человеческими слабостями тех самых неуверенных «проб» познания, которые без ошибок не бывают.

В одном из самых ранних упоминаний термин *possibilis* как «возможное» противопоставляется необходимости; так, у Квинтилиана (35 г. н. э. – 100 г. н. э.):

Melius igitur qui tertiam partem duxerunt δυνατόν, quod nostri ‘possibile’ nominant: quae ut dura videatur appellatio, tamen sola est.

Лучшим приближением к переводу греческого δυνατόν было бы поэтому латинское слово ‘possibile’; может, и неуклюжим оно кажется, но другого у нас нет (*Quintilianus M.F. Institutio Oratoria Libri I–XII*, предположительно 94 г. н. э.).

Указанная древнегреческая лексема (с модернизированной флексией), кстати, и в современном греческом имеет значение «возможность», ср. εἶναι δυνατόν «возможно».

В угаре моды, вежливо называемой «ветром перемен» и «духом времени», частотность единицы с физикалистской, «нечеловеческой» семантикой резко рванула вверх, опередив основу *probabil-*. Вот этот вектор и унаследовали рефлексы в «новых» языках: *possibilis* переносит нас в сферу надчеловеческую, а *probabilis* – смиренная оценка человеком человеческих способностей. Более архаичное «вероятие» напоминает нам о давних временах, когда об истине допустимо было судить «демократическим» путем: если «вероятное» мнение (в принципе обладающее шансами на одобрение, то есть кажущееся *probabilis*) большинством людей одобряется, то оно и верно. На следующих «выборах», конечно, этот кандидат в истины может с треском провалиться, хотя бы просто потому, что надоест своей незатейливой правдивой примитивностью или, наоборот, непрозрачностью. Конкурирующая же, «тираническая»,

процедура установления истины типа *sic volo* «так хочу» от демократии далека: «возможное» мнение может оказаться истинным, даже если никто из смертных не готов этого признать.

Наш эмпирический материал показывает, что о достоверном и о сомнительном, о возможном и о вероятном говорят не так же, как о неумолимой реальности с ее железной хваткой.

Во всех проанализированных оригинальных (непереводных) текстах на латинском, французском, итальянском, испанском, английском, немецком и русском языках *возможное* упоминают более чем в два раза чаще, чем *вероятное*. Есть и вариации, за которыми маячат расхождения в «культурах ментальности», см. [Демьянков 2020]:

1. Речь о *невозможном* в полтора-два раза чаще речи о *вероятном* в романских языках, но не в германских и не в русском.

2. В английском *невозможное*, наоборот, в два раза реже *вероятного*, в немецком они примерно одинаково часты; а в русском *невозможное* фигурирует ненамного, но чаще, чем *вероятное*, хотя и не в той же мере, что в романских.

3. *Невероятное* в романских и в немецком, но не в «мечтательных» английском и русском, находится на дне частотности. В английском же *невероятное* несильно уступает *невозможному* (как если бы физическая нереальность была сблизена с субъективной), а в русском более чем вдвое чаще *невозможного*.

Таблица

Возможное и вероятное в непереводном тексте

	Латынь	Франц.	Итал.	Испан.	Англ.	Нем.	Рус.
Возможное possibilis	4044	73 283	15 109	6125	423 761	154 573	758 388
Вероятное probabilis	1403	24 168	4493	1142	295 357	43 999	179 395
Невозможн. impossibilis	3339	45 848	6413	3220	155 991	43 066	216 306
Невероятное improbabilis	51	619	207	97	11 899	3575	55 894

Источник: актуализированные данные из [Демьянков 2020, с. 11]

3. Заключение

Анализируя большие корпуса текстов, предполагают и надеются за представленностью в материале увидеть не только вариации формальных свойств текстов, но и характерные (то есть обладающие своей частотностью) черты различных ментальных культур. Посередине между этими двумя задачами лежит установление представительности языковых явлений как продукта человеческой ментальности в рамках конкретных (национальных) культур.

«Сослагательное» размышление в романских ментальных культурах – не просто грамматическая условность, а конструирование возможных миров [Демьянков 2021] и «хождение на цыпочках» вокруг суждений там, где в других культурах, таких как русской, ступают полной ступней по-простому, «индикативно»-констатирующе, без страха, упрека и без заламывания рук от сомнений в устройстве реальности.

Каковы же причины расхождений внутри ментальных культур и между ними? Например, случаен ли «технический разнобой» в отстраненной подаче мнения – или он предопределен глубинными расхождениями в ментальных культурах у разных народов, носителей разных языков? Кто выступает заказчиком вариаций: сослагательное мышление, приводящее к формированию парадигм особых форм глаголов, – или грамматическая система с ее уже существующими парадигмами, заставляющая носителей языка оптимально использовать богатство форм, вызывая дифференцированную подачу мнений в романском языке там, где в ином языке об альтернативных «возможных мирах» даже не задумываются?

Эти и подобные вопросы выводят нас на широкие мультидисциплинарные просторы когнитивного исследования.

Благодарности

Исследование, описанное в разделе 1, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН. Раздел 2 данного исследования выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

Acknowledgments

The research presented in section 1 is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project 19-18-00040 “Parametrization of linguistic cre-

ativity in discourse and language” at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. The research presented in section 2 is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project 19-18-00429 “Language mechanisms of cultural system accommodation in various types of discourse of the 20th and 21st centuries” at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Литература

- Демьянков 2020 – Демьянков В.З. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 5–17.
- Демьянков 2021 – Демьянков В.З. О возможности в логике и в когнитивной семантике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 4. С. 5–21.

References

- Dem'yankov, V.Z. (2020), “On linguistic techniques of adapting opinions”, *Issues of cognitive linguistics*, no. 4, pp. 5–17.
- Dem'yankov, V.Z. (2021), “On *possibility* in logic and in cognitive semantics”, *Issues of cognitive linguistics*, no. 4, pp. 5–21.

Информация об авторе

Валерий З. Демьянков, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, vdemiank@mail.ru

Information about the author

Valery Z. Demyankov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian Academy of Sciences Institute of Linguistics, Moscow, Russia; bld. 1, 1 Bolshoi Kislovskii Lane, Moscow, Russia, 125009; vdemiank@mail.ru